

ТАТЬЯНА ЗЕМСКОВА

КУЛЬТУРА В ЯЩИКЕ

ЗАПИСКИ СОВЕТСКОЙ
ТЕЛЕЖУРНАЛИСТКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-55

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается*

Земскова, Татьяна Сергеевна.

3-55   Культура в ящике. Записки советской тележурналистки/ Т. Земскова— Москва : Издательство АСТ, 2025. — 224 с. — (Картина времени. Адреса).

ISBN 978-5-17-179619-8

Писательница, сценаристка десятков передач на телеканале «Культура», Татьяна Сергеевна Земскова общалась с ярчайшими представителями мира кино и литературы позднесоветского периода, в судьбах которых отразились светлые и трагические события двадцатого века.

Талантливый поэт, совсем молодым погибший от руки женщины, художник, который лишился ног, но продолжал писать радостные полноцветные картины, белый генерал, вернувшийся в Советскую Россию на свою погибель, меланхоличный актер, который играл исключительно уголовников и пьяниц, блестящий хореограф из России, именем которого названа одна из улиц в Нью-Йорке... Все эти образы созданы языком телевидения.

Тонкая проза Татьяны Земсковой, фиксирующая культурный пейзаж уходящей эпохи, рассказывает о знакомых читателю фигурах с новой, интимной стороны.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Земскова П.В., 2025

© Сурменева С.А.,
иллюстрации, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-179619-8

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
1. Я СОЛДАТ ЕЩЕ ЖИВОЙ	9
2. ПЕЧАЛЬНАЯ ВОЛОГДА	15
3. ВАСИЛЬЕВ ИЗ ВАСИЛЬЕВА	20
4. ДЕВОЧКА В СЕРОМ ПЛАТЬИЦЕ	28
5. СТАЛЬНАЯ КОМНАТА НА ПРЕЧИСТЕНКЕ	37
6. ДУША-АСТРАХАНКА	46
7. ЧЕХОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ	53
8. КОЛОКОЛЬЧИКИ ДЛЯ РАСПУТИНА	60
9. ПОРТРЕТ В РОЗОВОМ ПЛАТЬЕ	70
10. РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ	81
11. БЕРЛИНСКИЕ ТЕНИ: ОТ ВУЧЕТИЧА К НАБОКОВУ	92
12. ШВЕЙЦАРИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА	102
13. РОЗОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ КАЗАНЛЫКА	109
14. КТО ПОСЛАЛ ИХ НА СМЕРТЬ	118

15. ДА ТАК КАК-ТО ВСЕ... ..	128
16. ЗЕРКАЛО ДЛЯ АКТЕРА.....	140
17. БЕРЕГА, ЧТО МНЕ ОБЕЩАНЫ	150
18. СКУЧНЫЕ ПЕСНИ ЗЕМЛИ.....	159
19. «ПРОСТАК» ИЗ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ.....	172
20. ФАНТАЗИИ СТРОИТЕЛЯ ЛЕДОКОЛОВ.....	184
21. СКАЗКИ О КОРОЛЕВЕ И КОРОЛЕ	190
22. «ВСЕ ДЫМ И ПАР...».....	203

ОТ РЕДАКТОРА

Первый — и, вполне вероятно, единственный — тираж этой книги составит две тысячи экземпляров, стандартный для современного крупного издательства. Многие книги в вашей домашней библиотеке, вероятно, не смогут похвастаться популяцией больше чем пятьсот экземпляров, особенно если они посвящены темам гуманитарным: искусству, литературе, кино. В условиях рынка тираж мало что говорит о художественной ценности произведения или уникальности представленных в нем идей, даже если бы мы взялись оценивать их как читатели.

Татьяна Сергеевна Земскова — автор публике неизвестный и при этом писавший на широкую аудиторию. Сборник Татьяны Земсковой под названием «15 встреч в Останкине» издавался в 1989 году тиражом в двести тысяч экземпляров. Но это были другие времена — времена, когда от слов «в просветительских целях» на губах не появлялась ухмылка. Времена, запечатленные на страницах книги, которую вы сейчас держите в руках.

Проработав всю свою жизнь сценаристкой на телевидении, Татьяна Земскова вместе с коллегами по «Останкино» и «Культуре» делала интервью, встречи, фильмы с известными деятелями искусства, которые могли видеть вы и которые однозначно видели ваши родители и бабушки с дедушками. Татьяна Сергеевна была девочкой в институции, и она горела своим делом.

На страницах ее записок много как хорошо знакомых, так и давно забытых имен и мест, но еще больше — меланхолии разной степени светлости. И в словах Татьяны Сергеевны, и в словах ее героев, несмотря на препятст-

ТАТЬЯНА ЗЕМСКОВА

вия и боль, сопряженные с политическими и культурными вызовами XX века, слышится вера в свое дело.

Эти вера и неироничность как категории для нас сегодня не всегда понятны, уловимы, а порой ассоциируются с коллективно и давно утраченной надеждой. Читая «Записки», однако, понимаешь, что серьезность в отношении себя и другого — это осознанный и регулярный выбор света. Это не вспышка, а медленное горение, которое и греет, и сжигает. Надежда есть ежедневный труд.

Свидетельство тому — архивы и воспоминания Татьяны Сергеевны о ее профессиональной жизни в переломную для страны эпоху. Некоторые осколки этого времени причудливы, а в других можно поймать отражение нас сегодняшних.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Телевизор? — воскликнула моя бывшая коллега по телевидению, — да я его давно не смотрю, в углу пылится». «Телевидение умерло, от него плохо пахнет», — написал в соцсетях знакомый писатель. «Зачем ты смотришь этот зомбящик?» — спросила внучка.

Вспоминается миф о другом ящике — древнегреческой героини Пандоры. Это она любопытства ради открыла сосуд, из которого на людей посыпались несчастья, злоба, зависть, болезни. Как сейчас, увы, из телевизора. Но я включаю телевизор по профессиональной привычке. Много лет проработав на советском и постсоветском телевидении, я пытаюсь определить, как оно развивается и куда движется. Щелкаю кнопки на пульте: первый канал, второй, за ними что-то еще...

В сущности, везде одно и то же — бесконечные шоу — политические или развлекательно-бытовые, с одними и теми же участниками и одинаковыми темами. И везде агрессия, неприятие чужого мнения, искаженные гневом лица. Я уже не говорю о сериалах, одинаковых, как блины на сковородке, где главные герои — обязательно олигархи или бизнесмены, а героини — стервы или Золушки-простушки. Редкие документальные фильмы о писателях, актерах, режиссерах, и вообще людях, созидающих что-то полезное, телеменеджеры ставят далеко за полночь, когда большая часть населения уже видит сны.

Вспомнилось, как частная студия документального кино предложила мне написать сценарий о Василии Шукшине к юбилейной дате. Это был 2019 год, Василию Макаровичу могло бы исполниться 90 лет. Руководители студии

сначала требовали написать заявку, потом синопсис, потом опять заявку, сначала — три страницы, потом — шесть, потом опять — три. Словом, крутилась какая-то бесконечная канитель. Но, слава богу, заявку вроде приняли, причем не где-нибудь, а именно на канале «Россия», так сказал мне молодой симпатичный продюсер. Уже состоялась встреча с режиссером, был намечен план съемок. И вдруг — звонок от продюсера: заявка не годится, необходимо переделать, переписать.

Состоялась встреча с кураторами фильма, работающими на телеканале. Три надменные дамы смотрели на меня как на отживший рудимент, швыряли мою заявку туда-сюда, повторяя с какой-то злобой и чуть ли не презрением: «С этим идите на канал «Культура»! Нам надо совершенно другое». Меня тогда особенно удивило это высокомерное отношение к телеканалу «Культура», на котором я проработала больше десяти лет. Кажется, что это чуть ли не единственный канал, который все еще сохраняет человеческое лицо и оставляет зрителю надежду, что телевидение погибло не окончательно.

Я часто возвращаюсь к воспоминаниям, связанным с моей работой на этом канале: поездки по России и за рубеж, замечательные знакомства и проекты, бесконечные съемки. В моих фотоальбомах — города, страны, достопримечательности тех мест, в которых я побывала со своими коллегами по «Культуре». Сейчас эта часть моей жизни кажется мне очень интересной, насыщенной, сказочной. Сколько было фильмов, программ о писателях, художниках, актерах... Сколько нового я узнала и с какими необычными людьми повстречалась!

Вспоминается почему-то только хорошее, хотя было разное: и конфликты, и ссоры, и неудачи. Но каким наполненным, стремительным, вдохновенным было то время...

1 Я солдат еще живой

На стене моей кухни — ажурная Шуховская башня. Старый телецентр. Именно там со дня основания располагался телеканал «Культура». Место красивое, тихое, какое-то домашнее. Может быть, оттого что в центральном корпусе располагался приют для девочек-сирот. Атмосфера прошлого сохранилась: прозрачный воздух, много деревьев, цветники, скамейки для отдыха.

Я попала туда, кажется, в 2001 году: маялась без работы. Вдруг позвонила моя коллега еще по советскому телевидению — Ирочка Диалектова. Она предложила написать сценарий программы о писателях-фронтовиках. Я решилась, хотя не работала на телевидении уже лет пять.

Художественная редакция, где работали над программой, находилась в дальнем четвертом корпусе. И все здесь показалось мне родным и знакомым. Большинство сотрудников оказались моими бывшими коллегами по литературно-драматической редакции еще старого телевидения: Катя Андроникова, Мила Каширникова, Люба Перова, Галина Самойлова, Эля Виноградова. Возглавляла «Культуру» в те годы Татьяна Паухова — умница и красавица, прошедшая все ступени телевизионной профессии — от ассистента режиссера до главного

редактора. Сценарий о писателях военного поколения я назвала строчками Александра Твардовского «Я солдат еще живой». Многие поэты и прозаики, прошедшие войну, — Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Александр Володин, Константин Ваншенкин, Борис Васильев — тогда были живы и вполне здоровы.

В просмотровом зале я просматривала хронику военных лет, слушала нестареющие песни: «Бьется в тесной печурке огонь», «Темная ночь» и другие. Среди героев особенно запомнился Александр Володин, драматург и поэт. На одной из последних съемок он рассказывал, что войну «оттрубил» с 41-го по 45 годы, был на фронте связистом и сапером и до сих пор носит под сердцем осколок от мины. А на фронте его главной мечтой было остаться в живых и узнать, что будет потом с ним и с его страной.

«И мне разрешили, — с улыбкой говорил Володин, и его некрасивое лицо преображалось. — Я написал для себя такое заклинание: “Стыдно быть несчастливым”».

Другой участник программы, поэт Константин Ваншенкин, отправился на войну в 17 лет, сразу после окончания школы. Служил в воздушно-десантных войсках 106 Тульской дивизии.

«Война — это страшная, жестокая вещь, — говорил Ваншенкин в конце своих воспоминаний. — Но со временем многие из тех, кто воевал, поняли, что это было главным в их жизни. Я же с годами осознал, что война — это не просто кусок жизни, а отдельная жизнь и отдельная смерть.

Сейчас у меня появилось такое чувство, как будто после войны я умер, а потом воскрес. И стал жить заново. Вот стихи об этом:

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Дрожа печальными огнями
В краю, где рощи и холмы
Совсем умрете только с нами,
Но ведь тогда умрем и мы».

Из Курска приехал Евгений Иванович Носов, писатель-фронтовик, которого я хорошо знала по работе в «Останкине». Съемка проходила в гостинице «Москва», в старом, таком привычном здании. Евгений Иванович — большой, добродушный человек с пристальным взглядом, встретил съемочную группу приветливо. Я помнила его повесть «Усвятские шлемоносцы» и особенно рассказ «Красное вино победы». Спросила, действительно ли Носов встретил День Победы в госпитале, как описано в его рассказе.

— Я лежал в госпитале под Серпуховом, — вспоминал Евгений Иванович. — Война уже заканчивалась. Однажды мы подслушали ночной разговор начальника госпиталя, военного врача и его заместителя по хозяйственной части: они о чем-то спорили. Потом услышали фразу: «Ну, как мы в праздник будем солдат спиртом угощать? Праздник все-таки... Надо винца красного добыть...»

Они прошли по коридору, и тут мы, раненые, поняли: все, ребята, война закончилась. Всех раненых разбудили, стали кидаться подушками, стучать в стенку костылями. На следующий день понесли красное вино по палатам, завхоз все-таки разжился. Его сопровождали солдат и санитар, который нес поднос со стаканами. Завхоз из чайника наливал вино.

А седьмым в нашей палате лежал Копешкин — герой моего рассказа. Он был весь загипсованный, одни руки торчали, даже не руки, а два пальца, уже и разговаривать он не мог. Ему тоже поставили стакан с вином. Именно в этот момент Копешкин умер. Кто-то сказал: «Давайте помянем». Его стакан разлили на всех, кто был жив. А его долю, седьмую часть, плеснули ему на подушку крест-накрест...

Евгений Иванович помолчал сокрушенно, потом продолжил:

— Ведь на войну я ушел мальчишкой. И философия была мальчишеская. Я считал, что меня не должны убить. Не мирилось мое «Я» с возможностью смерти. Так думали все молодые. И они на себе испытали всю ошибочность такой философии: гибли в первую очередь...

У меня есть повесть «Усвятские шлемоносцы». Там молодые парни спрашивают у деда, участника Первой мировой: «А как ты своего первого немца убил? Покажи...» То есть они понятия не имели, как это делается, ружья в руках не держали. Критики меня упрекали в том, что, мол, как же мы могли победить, если наши крестьяне не держали в руках оружия? Да, не держали. Это были беззащитные люди, потому их так много и полегло. Потом научились... Так и победили.

Уже после съемки по старому знакомству я расспрашивала Евгения Ивановича, как ему живется в Курске, что пишет нового, что его радует, а что тревожит. Я задавала вопросы, Носов отвечал иногда сердито, порой иронично, но всегда, как мне казалось, искренне.

— Вот сейчас говорят, что раньше было лучше, — как бы споря с собой, говорил Евгений Иванович. — А почему лучше? Потому что крестьянин, скажем, не работал, пил,

и все были равны. Ну а сегодня? Рыночные отношения они, конечно, бьют по каждому. По мне, по вам, по каждому. Потому что они требуют работы. Работы. Нам нужно трудиться в поте лица. Можешь — работай, не можешь — помирай. Это жестоко, конечно. Не можешь писать, тоже помирай.

Но... Россию уничтожить нельзя. Народ останется, он все равно сформируется. Существует закон усталости, поэтому народы время от времени устают и как бы сдают позиции. Многие через это прошли. Но русская нация должна уцелеть. Мы ведь очень молодая нация. Причем, нация неутоленная.

Я спросила: какие события стали самыми важными в жизни писателя Носова?

— Начинал я свою жизнь с вида на мусор, — ответил Евгений Иванович. — Из моего окна была видна помойка, это были тридцатые годы. Голодные собаки, крысы бегали вокруг. И сейчас из окна моего дома тоже видна помойка. Запах тянется смрадный, особенно летом, когда земля нагревается. Мухи жужжат, тухлятиной пахнет. Помойка — это обрамление моей жизни, а посерединке между двумя помойками — я. Главное для меня в 20 веке — то, что я уцелел. Война меня уберегла. И я не жалею.

День у меня наполнен малюсенькими импульсами какого-то счастья, интереса, живинки в душе. Сам по себе я человек острый, вернее, остро чувствующий. И я многое вижу, это позволяет мне писать. Глаза — мои фотоаппараты. В пустяке я порой вижу судьбу, что может стать сюжетом.

Евгения Ивановича уже нет на свете, а эта документальная запись сохранилась. Я часто вспоминаю его фразу про «глаза-фотоаппараты». Наверное, у каждого рабо-

ТАТЬЯНА ЗЕМСКОВА

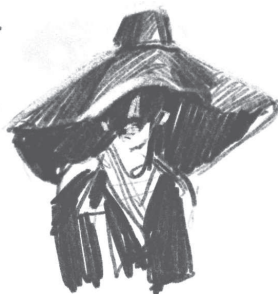

тающего в кино или на телевидении должны быть такие глаза.

Монтировали программу в начале лета, во дворе цвели яблони. На Шаболовке царил семейная обстановка. Помню, режиссер Елена Никитан — талантливая, красивая женщина — приходила на монтаж с ушастой собакой. Это случалось обычно в выходные дни, когда сотрудников на студии было немного. Собака была породистая, кажется, бассет. В аппаратной она чувствовала себя превосходно, смотрела на всех большими печальными глазами, но большую часть времени дремала где-то под столом.

Вскоре телеканал «Культура» поменял свой адрес, все студии переехали на улицу Малая Никитская, в знаменитый Дом звукозаписи. Мне повезло, мои прежние знаниягодились. Все завертелось, закружилось. Сценарии, съемки, командировки. Зарплата была ничтожной, но какой интересной и насыщенной стала моя жизнь!

2. Легальная Вологда

В 2006 году на Соборной площади Вологды мы снимали фильм о поэте Николае Рубцове. «Мы» — это съемочная группа телеканала «Культура»: молодой режиссер Ярослав Гриневский, редактор Люба Перова, оператор Анатолий Авагин и я, сценарист.

Когда приехали в Вологду, казалось, город переполнен образами Рубцова. Памятники, музеи, улицы, дома, сам воздух города — все дышало и звучало поэзией, щемящей, невысказанной грустью.

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Мы нашли дом на улице Александра Яшина, где жил последние годы Рубцов и где так неожиданно оборвалась его жизнь.

Была поздняя осень, дом казался серым и мрачным, сверху неказистого балкона на нас хмуро глазела черная кошка. Сам Рубцов — бродяга и бессребреник — не очень любил этот дом и квартиру, полученную в конце жизни.